ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

10

2015

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Летние развлечения деда и внука на донском берегу не заменить никаким Скайпом…

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«ХОРОШО, КОГДА РЯДОМ…»

В какой-то московской компании, при разговоре общем, услышал я такой, наверное, уже обычный для нашего времени рассказ:

— Мы с внучком по скайпу играемся. Он — в Америке, я — здесь. Далеко. Лишь по скайпу видимся. Он вечно жует эту жвачку. А я его укоряю и вроде хочу отобрать. А он меня дразнит: возьмет ее в руку и держит. А я наклоняюсь и зубами так: «Гам!» Вроде хватаю ее. А он руку отдергивает. И смеется. И снова дразнит. А я ему: «Гам! Вот сейчас ухвачу!» Наклоняюсь к самому экрану. А он прячет жвачку, вроде боится. Смеется. Играемся.

По нынешним временам рассказ обычный: телефоны-мобильники, компьютеры, планшеты, интернет. Но чем-то он меня, видно, задел, этот рассказ. И припомнился через немалый срок нынешним летом.

Летняя пора — время купания. Слава богу, что Дон — рядом. На машине ли, на велосипедах ездим мы с внуком на городской пляж или в другие места. И вот однажды едем на Дон, а Митя говорит:

— Хорошо, у кого есть дедушки и бабушки, — и разъясняет: — Родители всегда на работе. А дедушки нас купаться возят. А то бы мы дома сидели, в такую жару.

Наблюдение верное. Днем, на пляже, в воде — сплошная детвора кипит. От малой мальвы, какие еще лишь ползают, до взрослых. Мите восемь лет, одного не отпустишь. Вот и приходится ходить с ним да ездить. И только ли мне…

В дневную пору таких, как мы, — много. На пляже лишь старые да малые. Мелкая детвора у самого берега барахтается. Какие постарше, учатся плавать. За всеми — глаз да глаз. Только и слышно:

— Куда полез? Там — глыбь!

— Вернись, тебе говорю!

— Ты либо глухой?! Сейчас пойдешь на берег.

— Выходи! Посинел уже!

Изо дня в день вижу, как тучный, седой старик стоит, словно врытый, по пояс в воде. Я сначала не понял. Потом углядел. Два малых вьюна возле него кружат, барахтаются. Он стоит и стоит. Куда деваться? С берега за этой мелкотой не уследишь.

Сам я на воде вырос, плавать люблю, но тут не поплаваешь, тут забота иная: гляди да гляди.

— Стой, — командует внук Митрий. — Дальше не ходи, я к тебе поплыву.

Плавать он научился неплохо, для его возраста. Но глубины побаивается, командует:

— Стой! Я плыву. Дальше не отходи.

Плывет, до меня добирается. Теперь другие задачи.

— Я глубину измерю.

Ныряет и достает со дна горсть песка как доказательство.

— Теперь кидай меня.

Сцепляя руки в «замок», подбрасываю его вверх. В недолгом полете он пытается закрутить сальто. Или отправляю сильным броском вперед, к берегу, что называется «щучкой» ли, торпедой.

Он любит нырять и под водой плыть. Вот и гляди. Да слушай команды:

— Плыву к тебе! Не отходи! Подкинь меня! Ныряю! Стой на месте!

Стою и стою. Подкидываю, гляжу, остерегаю:

— Не ныряй! Просто плыви… Туда не надо. Там — люди…

Стою. Начинаю зябнуть. А это мне ни к чему, потому что новую хворь подцепил, вовсе несуразную: холодовая аллергия. Зябнуть никак нельзя. Иначе — приступ, таблетки, а то и «скорая помощь» с уколами. Надо беречься. А как тут беречься?

Прошу внука:

— Митя, хватит. Пошли на берег, погреемся.

— Еще разок, дедушка! Подкинь меня.

И снова:

— Ну еще. Последний разок.

— А теперь последний — распоследний! — Глаза у него просящие.

Нырнул, вынырнул, мордаха счастливая, глаза в мокрых ресницах сияют.

— Ну еще разочек! Дедушка!..

Разве откажешь, когда глядят на тебя два теплых солнышка.

Но наконец из воды выбираемся. Всем телом прижимаюсь к горячему песку, пытаясь прогнать озноб. Мите приказываю:

— Грейся.

— А ты меня закопай в песке, дедушка. По самое горло.

Тоже — задача. И скоро еще одна:

— Давай замки строить, с каналами.

Это уже на кромке берега у воды, где песок мокрый.

Закапываю. И помогаю строить. Но все это — недолго.

— Я уже согрелся, — заявляет внук. — Пошли купаться.

— А я — нет. Хочешь, барахтайся на мели.

— Это неинтересно. Я — не маленький. Пошли, дедушка.

Будешь меня кидать. Ну пожалуйста…

Вздыхаю, охаю, но иду, понимая внука. Он так долго ждал этой летней поры, когда можно купаться в Дону, плавать, нырять, в горячий песок зарываться «по самую шейку» и снова купаться.

Понимаю еще и потому, что помню свое далекое детство: донская вода там была, и солнца хватало. А вот дедушек да бабушек, и даже отца, не было. Потому и плавать я научился поздно. А Митя уже хорошо, для своих лет, плавает: вьется вьюном, ныряет. И под водой плывет. «Мне так лучше!» Ему-то, может, и лучше, а мне нет. Нырнет, я гляжу, где он вынырнет. Тем более, людей на воде много. Могут задеть… Тревожно. Он как-то решил надо мной подшутить. Нырнул. Я жду. Он, как всегда, должен плыть-то к берегу. Гляжу, ищу глазами, а его нет, не выныривает. Нет и нет. У меня перехватило дыхание. Что случилось? Ребята взрослые рядом ныряют. Может, под водой задели, ударили или еще чего… Уже не тревога, а ужас. Вокруг ведь — глухая вода и вода. Где искать?

И вдруг позади меня раздается заливистый смех.

— А я тебя обманул! — Он объясняет, довольный: — Я в другую сторону поплыл, на глубину. А ты не заметил!

Он смеется, а я в себя не могу придти. Ругаться нет сил. Еле отошел, опамятовался.

— Митя, — говорю. — Ты больше так не шути. А то меня кондрат хватит.

В самом деле, вода шуток не любит. Тонули и тонут. Дети — тоже. Потом — неизбывное чувство вины. В нашей семье мои старшие до конца своих дней помнили маленькую Таечку, которую не уберегли.

Или совсем недавняя память: дед с малым внуком — на лодке; внук — в воду упал и сразу камнем ушел. Хоронили двоих: утонувшего внука и деда, который повесился.

Слава богу, такое случается редко.

А почти всякий день, в теплую летнюю пору, мы ездим с Митей купаться.

— Одонь! Одонь! — взывал он еще вовсе малый. — Плявать! Плявать!

Теперь подрос. Плавает. Любит купаться. На городской пляж ездим, где тесно и шумно. В затон, где чистая вода, белый песок, людей мало. «Это мое любимое место», — говорит Митя. Любимое-то любимое. Но там, прямо с берега, — глубь. Глаз да глаз…

Что ж, будем смотреть. Пусть купается. Это ведь такое счастье: теплое лето, вода, солнце, белый песок — детство, которое долго помнится.

И нам — разве не радость? — когда глядишь: плывет, нырнул-вынырнул, мордаха счастливая, глаза сияют.

— Подбрось меня! Сильно-сильно!

— В песок меня закопай по шейку, я согреюсь.

Закопал как мог, нагребая горячий песок. Он прикрыл глаза, вроде дремлет. Вспоминаю его слова: «Хорошо, когда есть дедушка…»

Но и нам хорошо, когда рядом, а не по скайпу живая душа.